

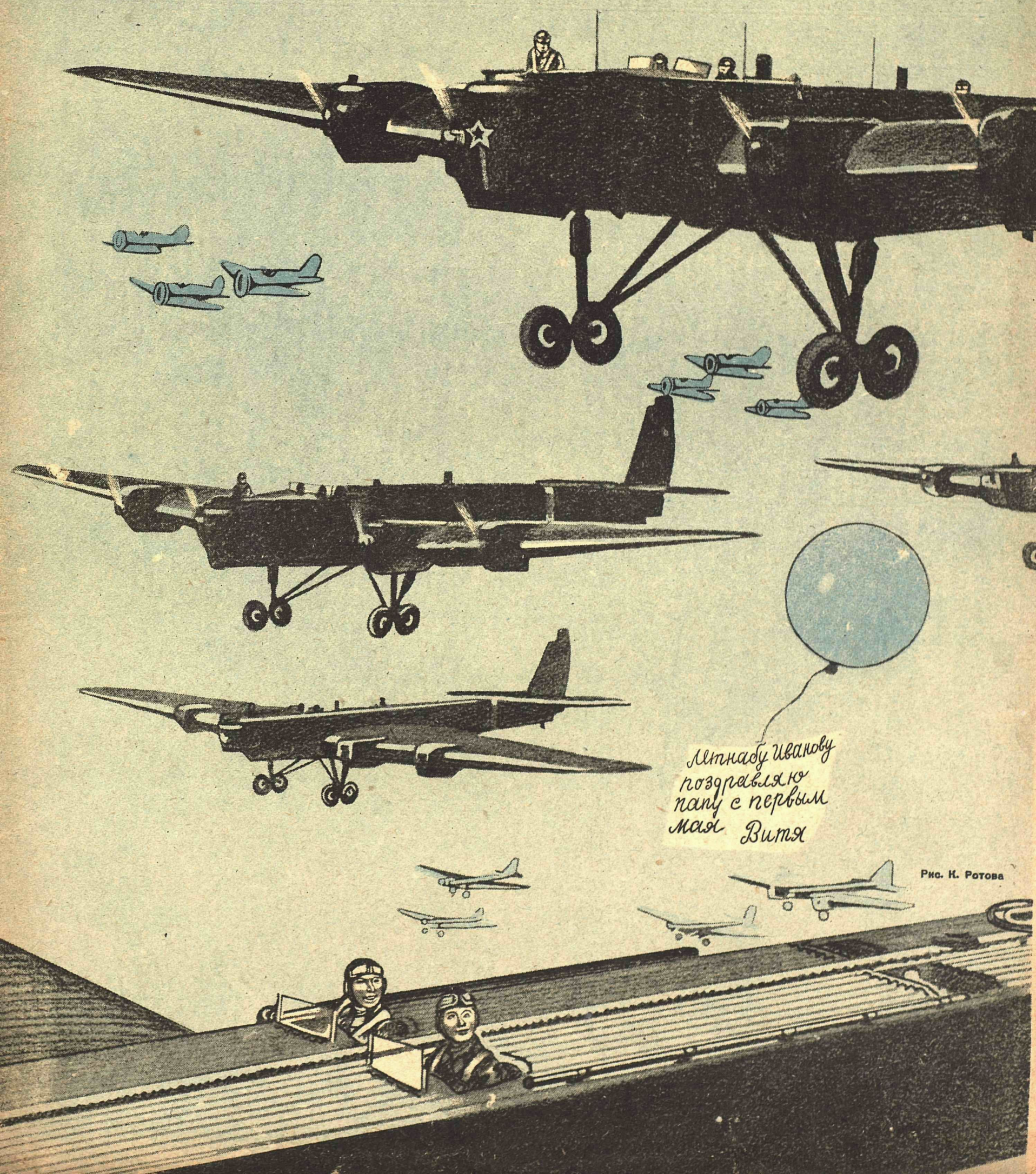
К Р О К О Д И Л

№ 12 АПРЕЛЬ

2556
16

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ „ПРАВДА“

МОСКВА 1937

*Летчику Иванову
поздравляю
папу с первым
мая Витя*

Рис. Н. Ротова

Правде — 25 лет!

С самого ее возникновения она была встречена в штыки царской цензурой и Иудушкой-Троцким, капиталистической печатью и предательской бандой Августовского блока.

Девять раз она вынуждена была менять свое название, преследуемая царскими опричниками. Пять раз она меняла свое славное название, травимая меньшевистско-эсеровско-кадетским временным правительством. Но и в «Рабочей правде», и в «Северной правде», и в «Правде труда», и в «За правду», и в «Пролетарской правде», и в «Пути правды», и в «Рабочем», и в «Трудовой правде», и в «Листке правды», и в «Рабочем и солдате», и в «Пролетарии», и в «Рабочем», и в «Рабочем пути» как друзья нашей партии, так и ее заклятые враги, всегда безошибочно узнавали боевую, большевистскую непоколебимую «Правду».

Двадцать пять лет «Правда» борется под славным знаменем Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина за счастье человечества, за коммунизм.

Четверть века она борется против капитализма и его приспешников, против всей контрреволюционной сволочи, сопротивляющейся освобождению трудящегося человечества. Ее читали десятки тысяч людей 25 лет тому назад. Сейчас ее читают многие миллионы. Ее знают во всем мире, эту лучшую газету ведущей партии Коммунистического интернационала. Много сделано, но немало еще предстоит работы «Правде», замечательному коллективному организатору, пропагандисту и агитатору.

Привет нашей родной и любимой «Правде»!
Да здравствует коммунизм!

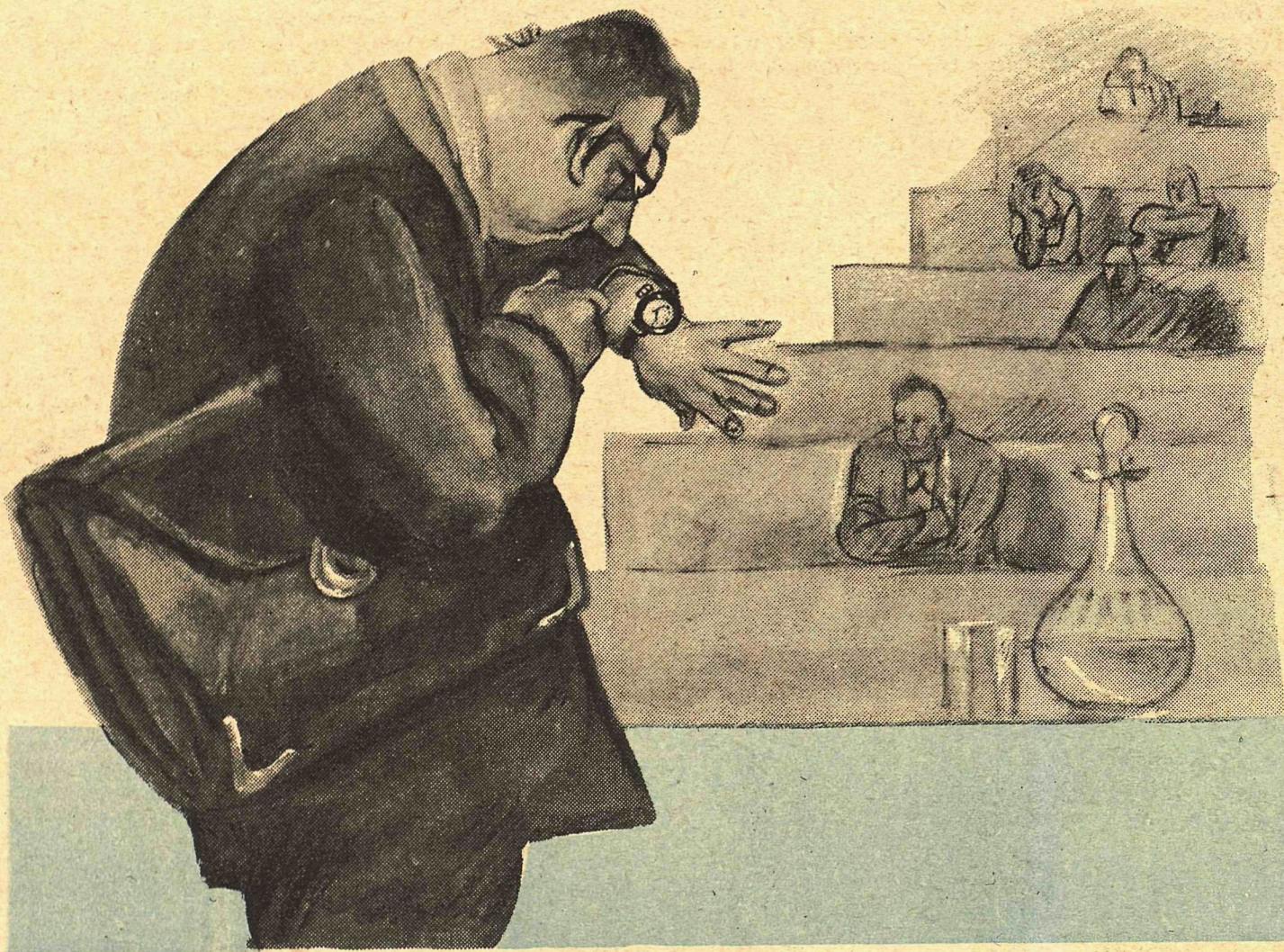

A red flag with the word "ПРАВДА" written on it in white, bold, Cyrillic letters. The flag is attached to a quill pen. The quill is detailed with black ink, showing the feather's texture and the binding. The flag is waving, and the background is a light, textured yellowish-brown.

ПРАВДА

25 лет

Рис. М. Черемных

— Безобразие! Стоило мне только на час опоздать, как половина кружка уже разбежалась.

МЕЧТЫ, МЕЧТЫ...

Ковриков рассказал «по секрету» Ступкину. От Ступкина узнал Кепкин. Кепкин сообщил жене. Жена Кепкина информировала жену Паршикова. Жена Паршикова тотчас же поделилась с мужем.

И вот Паршиков ходит по комнате, потирает руки от удовольствия и сладострастно шепчет:

— Правильно! Так ему и надо! Поделом!

Вечером в тот же день Паршиков навестил своего друга и приятеля Соломку.

— Слышал, Петр Иванович?

Хитрый Соломка сразу понял, куда гнет Паршиков. Но осторожности ради спросил:

— В рассуждении чего, Егор Семеныч?

— Про партийные дела. На конференции...

— Кое-что слышал. Мне моя жена сказывала. А ей говорила жена Кепкина. А Кепкину сообщил Ступкин. А Ступкин узнал от Коврикова. А вы, Егор Семеныч, откуда узнали?

— Мне моя жена говорила. А ее информировала жена Кепкина. А ему, Кепкину, сообщил...

— Понятно. А новости самые подходящие.

— Лучшего и желать нечего.

— Кроют его последними словами.

— Замечательно кроют. Все грехи вспоминают. «И то-то Суслов упустил, и того-то Суслов недосмотрел».

— Пушай почувствует.

— Совершенно верно. Нынче ему от этой самокритики не сладко.

— Вредный человек.

— Не отрицаю. Язва!

— Взять к примеру, что этот Суслов со мной сделал. Нашли у меня недостачу в кооперативе. Не отрицаю — была недостача. С кем ошибки не случаются? Синькин хотел мне сделать послабление. А Суслов уперся: под суд! По его милости я до сих пор и нахожусь под судом. Синькин — вот это человек с чувством, с сознанием...

— Истинные слова! Из всех партийных в нашем городе я имею больше всего уважения к Синькину. Душа-человек! Он сочувствовать может. Синькин вот меня поднял, а Суслов снял с работы и жуликом обозвал.

— Правильно!

— Что «правильно»?

— Я насчет Суслова. Правильно его кроют на партийной конференции.

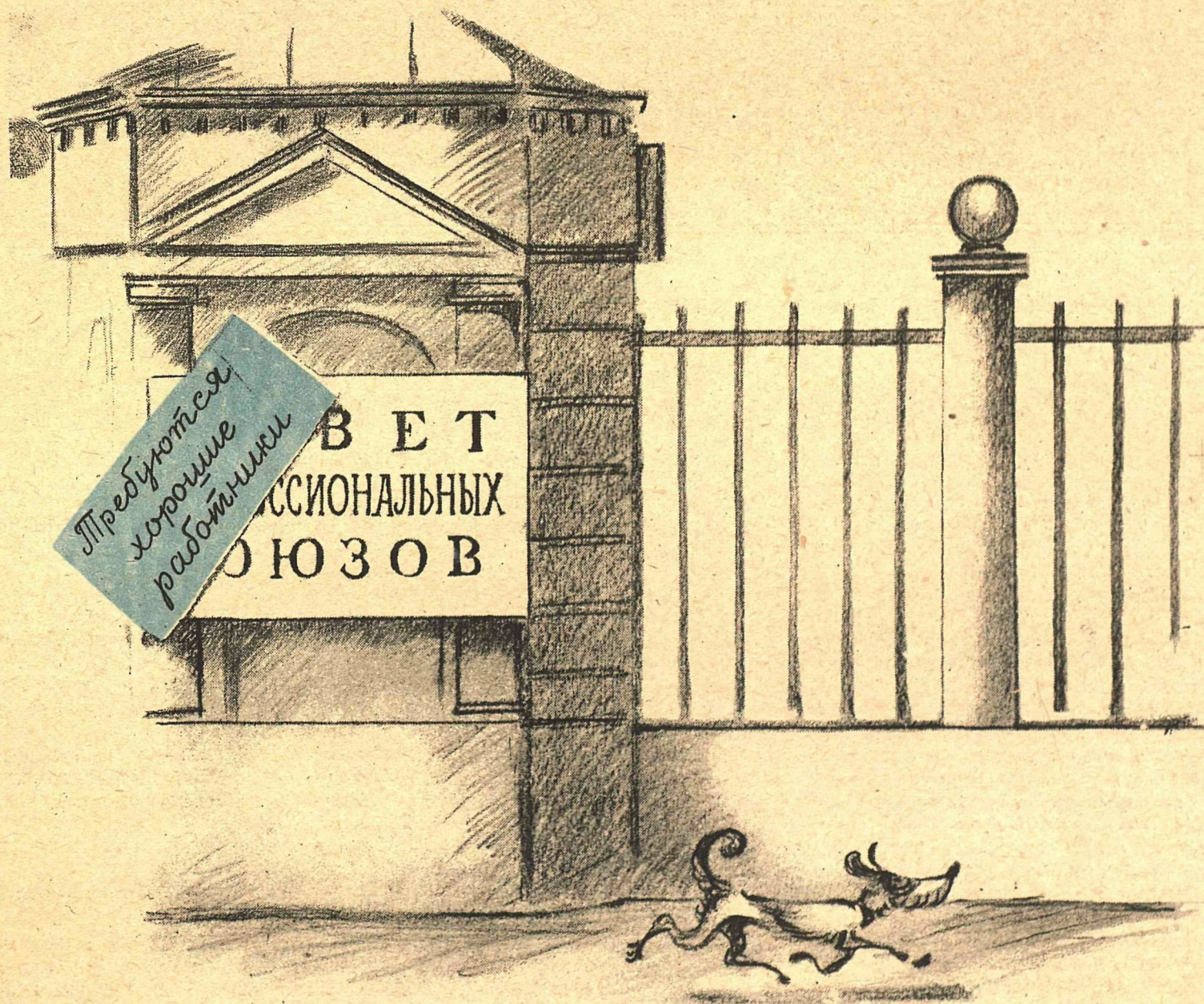
На другой день Паршиков с Соломкой опять встретились. Свежие новости! Ковриков рассказал Ступкину. От Ступкина узнал Кепкин. Кепкин сообщил жене. Жена Кепкина информировала жену Паршикова. Жена Паршикова поделилась с мужем.

— Так вот, Петр Иванович, какие дела...
 — А да... Здорово взяли его в работу.
 — А вы от кого слышали?
 — Мне жена моя сказывала. А ей сообщила жена Кепкина. А Кепкину говорил...
 — Понятно. Синькин против него ловко подкапывается. Синькин говорил целых полчаса. Все выложил. Все ошибки Суслова вскрыл.
 — А Суслов что?
 — Сознался. Приперли его к стенке. Вынужден, говорит, признать.
 — Да, дело его теперь плохое.
 — Прошел еще вечер. Минул еще день. И мы опять застаем Паршикова с Соломкой за дружеской беседой. Свежие новости! Ах, какие новости!
 — Ковриков рассказал Ступкину. От Ступкина узнал Кепкин. Кепкин сообщил жене. Жена Кепкина информировала жену Паршикова. Жена Паршикова тотчас же поделилась с мужем.
 — Так вот, Петр Иванович, какие дела непонятные.
 — А еще тайное голосование.
 — Вы уже слышали?
 — Слышал.
 — От кого?
 — Мне моя жена говорила. А ее информировала жена Кепкина. А ему, Кепкину, сообщил...

— Понятно. Что же вы скажете?
 — Руками развожу. Синькина не избрали!
 — Полный провал!
 — А Суслова избрали?
 — Беда. Почти единогласно.
 — Ничего не понимаю. Критиковали его, Петр Иванович?
 — Критиковали, Егор Семеныч.
 — Ошибки его отметили, Петр Иванович?
 — Отметили, Егор Семеныч.
 — И в резолюцию записали, Петр Иванович?
 — Записали, Егор Семеныч.
 — И он сам признал, Петр Иванович?
 — Признал, Егор Семеныч.
 — И его же потом избирают, Петр Иванович?
 — Избирают, Егор Семеныч.
 — При тайном голосовании, Петр Иванович?
 — При тайном, Егор Семеныч.
 — Как же это понимать, Петр Иванович?
 — А я вас спрашиваю: как это понимать, Егор Семеныч? Ведь все как будто было намази. Мне жена моя сказывала. А ей говорила жена Кепкина. А Кепкину сообщил...
 — Знаю. А Кепкину сообщил Ступкин. А Ступкину рассказал Ковриков. И все мы в дураках остались.

Г. РЫКЛИН

Рис. К. Ротова

С Е З О Н Н О Е

НАШЕ ГОСТЕПРИИМСТВО

Лелечка Иванова, изящная девушка, служившая кассиршей в магазине ТЭЖЭ, встретила в коммунальном коридоре старуху Гераськину, одетую по-походному, с кошкой в руках, и взволнованно сказала:

— Бабушка, вы в лавку? Купите мне, пожалуйста, заодно печенья птифур 200 граммов и банку черносмородинового варенья. Вот вам деньги, сдачу оставьте себе.

— Ай ждешь милого дружка? — подмигнула старуха Лелечке, пряча деньги в большой, извозничий кошелек, выдавший рубли и полшки времен царя Александра III.

— Приедет один... двоюродный брат, — неопределенно ответила Лелечка.

— Из инженеров, поди?

— Нет, он лейтенант, пограничник. Недавно только с Дальнего Востока!

Услышав про Дальний Восток, старуха Гераськина почти ахнула и засемила к выходу.

С пограничником, проводившим в Москве свой отпуск, Лелечка познакомилась недавно. Они стали вместе бывать в театрах и в кино, а вчера лейтенант позвонил девушке по телефону и сказал, что ему срочно необходимо увидеться с ней с глазу на глаз.

Вернувшись к себе, Лелечка стала прибирать комнату. При этом она так нервничала, что разбила своего любимого фарфорового зайца, много лет философически наблюдавшего тихую лелечкину жизнь с высоты резной полочки.

Гибель зайца очень расстроила Лелечку. С осколками в фартуке она вышла на кухню и там встретила вернувшуюся из похода старуху Гераськину.

— Черносмородинового нет, — весело сообщила бабка, — я тебе малинового взяла. Ничего, — попьет и с малиновым твой двоюродный. Батюшки мои, никак зайца раскокала?

— Раскокала! — печально сказала Лелечка.

— Ты, девка, не горюй. Это к счастью — зайцев кокать. Будет тебе счастье. С двоюродным твоим.

— Болтаешь ты, бабушка, много.

Наконец, ровно в девять часов раздались долгожданные четыре коротких и два длинных звонка. Лейтенант, выбритый и надушенный, с коробкой конфет в руках, решительно звеня шпорами, шагнул в переднюю.

Когда чай был выпит и малиновый джем съеден, лейтенант взял в свою большую руку лелечкину маленькую ручку и сказал:

— Елена Александровна... Лелечка...

Но тут в дверь постучали. Лелечка воробьем вспорхнула со своего места и тревожно спросила:

— Кто там?

— Это я, Елена Александровна, — раздался за дверью бас инженера Никодимова, лелечкиного соседа, — позвольте к вам на одну минутку.

Пришлось открыть дверь и впустить инженера.

— Салют, Елена Александровна! — сказал инженер, входя в комнату. — Вы извините, что я так вламываюсь. Я вас попросту, по-соседски прошу к нам. Обязательно с братцем вашим двоюродным (инженер почтительно поклонился лейтенанту). Бабушка Гераськина говорила, что вы с Дальнего Востока недавно? Идемте, ей богу, товарищи, к нам. Раз такой гость, надо водки выпить. Идемте, идемте!..

Инженер был так настойчив, что пришлось пойти.

Через час Лелечка, отделенная от лейтенанта длинным столом, уставленным бутылками и закусками, с острой грустью внимала шумным тостам инженера Никодимова.

— Предлагаю, товарищи, выпить за здоровье Елены Александровны и ее брата-героя, — гремел инженер. — Товарищ лейтенант, Николай Николаевич, расскажите что-нибудь, голубчик.

— Расскажите, расскажите! — хором стонали сидевшие за столом.

Лейтенант отнекивался.

— Я могу рассказать только то, что уже было в газетах, товарищи.

— Вот, вот, — расскажите, что было в газетах.

Лейтенант рассказывал долго. Провожала его вся семья Никодимовых, и Лелечка с большим трудом улучила минутку, чтобы шепнуть ему:

— Завтра приходите. В девять.

Снова настал вечер. Опять бегала бабка Гераськина за малиновым джемом и печеньем птифур. И вот лейтенант взял в свою большую руку маленькую лелечкину ручку и уже раскрыл рот, чтобы сказать что-то очень, очень важное, когда в дверь постучались.

— Кто там? — нервно спросила Лелечка.

— Это я, — раздался за дверью голос Берты Абрамовны, жены доктора Файнштока, другого лелечкиного соседа.

Пришлось пустить Берту Абрамовну.

— Лелечка, я за вами, — сказала Берта Абрамовна решительным контральто. — И за вашим братом. Посидим, потанцуем... Мы так жаждем все познакомиться с вашим двоюродным братом, Лелечка, дорогая. Ведь он же с Дальнего Востока!..

— Мы не можем придти. Мы заняты, — жалобно сказала Лелечка и покраснела.

Лейтенант смущенно звякнул шпорами.

— И слушать не хочу, — всплеснула руками Берта Абрамовна. — К Никодимовым ходили, а к нам не хотите. Идемте, идемте.

Пришлось пойти к Файнштокам. Опять ужинали, пили вино. Сидели отдельно.

Снова настал вечер. И опять, как только лейтенант взял в свою большую руку лелечкину маленькую ручку, с дьявольской точностью в дверь постучали.

— От Григорьевых пришли, — прошептала Лелечка, бледнея, — а может, от Гурских. Гурские, я видела, телятину жарили.

Лелечка не ошиблась: пришли от Григорьевых, а потом приходили от Гурских, от Мухиных, от Зильбруков — квартира была большая. Все приглашали Лелечку и пограничника к себе, сажали отдельно, поили и кормили, говорили ласковые слова. А Лелечке и лейтенанту тоже хотелось говорить ласковые слова, но только без свидетелей.

Наконец, настал день, когда все обитатели большой квартиры были удовлетворены. Опять был выпит чай с малиновым джемом.

— Елена Александровна, — сказал лейтенант, — Лелечка. И вдруг в дверь постучали.

— Боже мой, кто там еще! — вскрикнула Лелечка.

— Это я, чего пугаешься? — раздался за дверью голос старухи Гераськиной. — Ну-ка, пусти меня.

Пришлось пустить старуху Гераськину.

— Идем ко мне, — скомандовала бабка, — и ты, голубь, иди. Чаем вас буду поить с мятными пряниками. Шесть рублей кило. Я для вас цельных 150 граммов взяла.

— Бабушка, мы потом, как-нибудь, — растерянно прошептала Лелечка.

— Ко всем ходили, а ко мне — как-нибудь! Нет уж, милая, не отвертись. Идем, двоюродный.

Пряники были черствые, а от чая пахло венником. Лелечку бабка посадила рядом с какой-то старухой в старомодной напольке.

— Ну рассказывай, двоюродный, как там, на Дальнем на Востоке, наши голуби стоят, — сурово приказала старуха Гераськина.

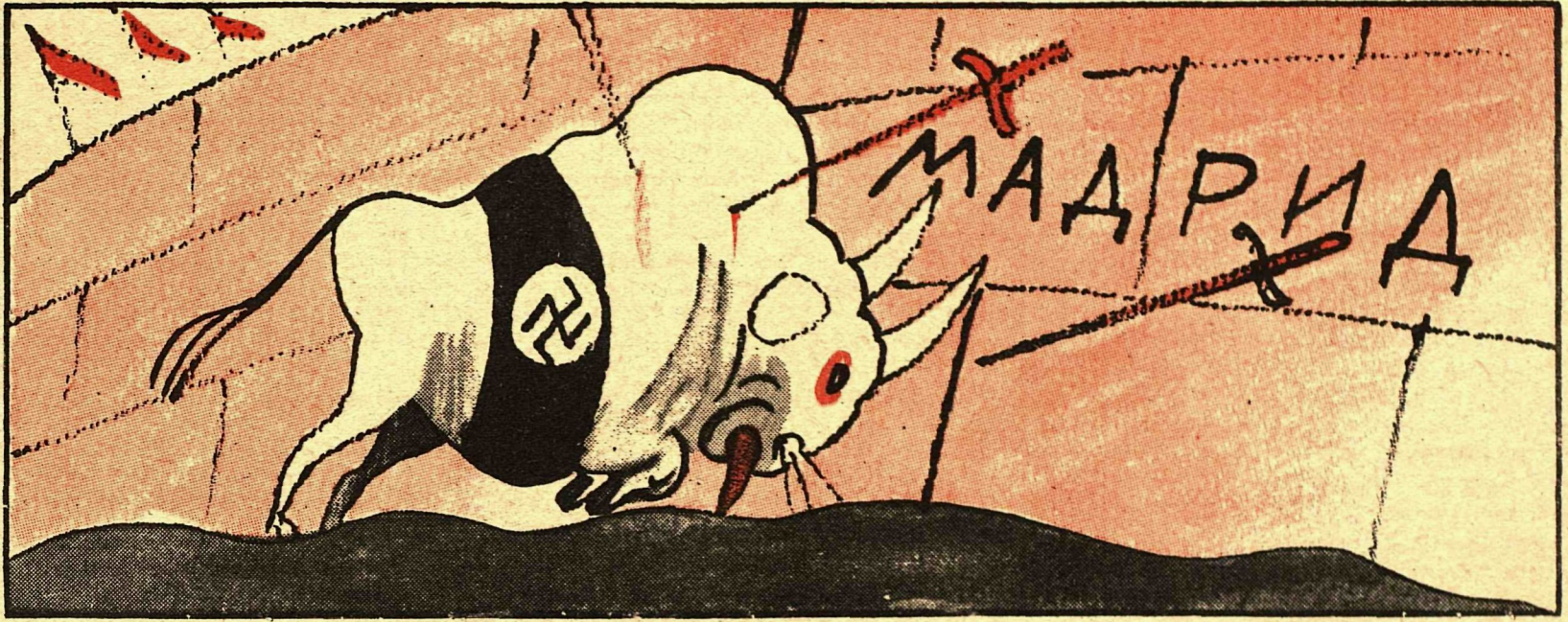
Недавно я встретил Лелечку с ее лейтенантом подруку на Петровке. Они шли счастливые, розовые и все смеялись.

Лелечка говорила:

— Билеты я заказала. Неужели, Коля, до Владивостока девять суток будем ехать?

Видать, лейтенант сумел все-таки сказать ей нечто очень, очень важное.

ЛЕОНИД ЛЕНЧ

Так было...

Так есть...

Так будет!

БЛИЗКО ГОРОДА ДМИТРОВА

В одно ясное апрельское утро по Дмитровскому шоссе ехал довольно-таки потрепанный ГАЗ № 26088. Не будем скрывать, что пассажирами этой неказистой машины были четверо сотрудников журнала Крокодил, направленных редакцией последнего в качестве специальных корреспондентов на трассу канала Москва—Волга.

В 11 часов 35 минут машина № 26088 финишировала у здания управления Москва—Волгостроя в городе Дмитрове. Четверо пассажиров пришли в управление канала. В 13 часов 05 минут машина № 26088 подвезла их к временной дмитровской пристани на берегу канала, у которой стоял быстроходный катер «Чекист». Специальные корреспонденты поднялись на борт катера, и он, развернувшись, взял курс на Орево. В 16 часов специальные корреспонденты уже были на вокзале города Дмитрова, где их пригласили занять места в дрезине, отходившей к станции Большая Волга новопостроенной железнодорожной ветки. В 21 час 17 минут корреспонденты (специальные) отбыли со станции Большая Волга обратно в Дмитров. В 3 часа 15 минут следующих суток они же (специальные корреспонденты), закончив поездку, покинули машину № 26088 на территории города Москвы.

Через трое суток в 15 часов 02 минуты корреспонденты сдали в редакцию нижеследующие строки.

СЛАВНОЕ МОРЕ

Каковы суть признаки моря?

- а) Берегов не видно;
- б) волны большие;
- в) чайки;
- г) пароходы;
- д) соленая вода;
- е) наличие «старых морских волков», начиненных воспоминаниями и прикрытых фуражками с крабами из галуна.

Ну так вот: на Московском море, созданном в 1937 году

- а) берегов не видно;
- б) волна идет исправная, так что при пишущих эти строки доложено было начальнику строительства: — Товарищ комиссар, я запретил на катере выходить в наше море: волна заливаает. Придется подождать пароходов.

в) чайки прилетели и порхают с таким небрежным видом, будто здесь спокон веков было море;

г) пароходы не замедлят появиться;

д) чего нет — это, действительно, соленой воды. Но не надо быть формалистами. В конце концов при масштабах строительства можно было бы засолить весь водоем. Но в этом нет особой нужды;

е) старые морские волки Московского моря имеют месячный стаж, а запас воспоминаний — в три года. Остается подождать каких-нибудь 25 — 30 лет, и мы получим старых морских волков в потребном количестве.

Все в порядке, товарищи. Здравствуй, свободная стихия!

РУСАЛКА И ШОФЕР

(ЛЕГЕНДА)

Среди работников канала ходит странная легенда...

Однажды ночью шофер грузовой машины доблестный каналоармеец Ванюха*** торопился на своей «ярославке» из Химок в Дмитров. Светила луна. Ровное шоссе, покоевнясь немного, приблизилось к каналу и послушно легло вдоль крепленного камнем берега. Опытный шофер почувствовал, что мотор у него перегрелся. Ласково матюкнувшись, Ваня затормозил. Поглядел пышущий жаром капот, и, взяв ведро, стал спускаться к каналу — зачерпнуть немного воды. Осторожно, боком спускался работник автомобильного транспорта к зеленоватому зеркалу воды. Ни лодки, ни парохода. Спокойные фермы ворот ближайшего шлюза чернели так непроницаемо, что казалось, что это

тоже был берег вечный и неприступный.

Внезапно Ваня услышал плеск. О, такой плеск может издавать только живое существо... Но какое же? Для рыбы звук был чересчур мощный. А человек... Но откуда в такую пору в канале человек?

Свет луны позволял видеть далеко. Ваня оглянулся. К нему подплывала девушка с распущенными зелеными волосами. Нездешней красотой блестя ее зеленые очи. Тонкие руки ловко рассекали гладь воды... Но что это?.. Там, где можно было ждать ступню девушки, мелькнуло что-то серебристое, гибкое, странно раздвоенное. Это был настоящий рыбий хвост.

— Русалка! — мелькнуло в голове у Вани.

А странное существо беско-

нечно мелодичным голосом заговорило:

— О юный рыбак, спаси меня, помоги в моем горе!..

— На сегодняшний день я являюсь не рыбак, — ответил Ваня, — но, как сказать, имею квалификацию шофера второй категории!

— Все равно. Ты молод, ты один и не можешь не оценить моей красоты!

Русалка ломала руки, и тонкие миндалевидные ногти ее, тщательно возделанные маникюром и украшенные, очевидно, модным в подводном царстве зеленым лаком, впивались в нежную кожу.

— Помоги мне выбраться из этой проклятой реки, о юный шофер!

— Это вы про канал? — вежливо осведомился Ваня.

— Про него. О тысячу раз правы были мои подруги, когда упреждали меня не заплывать в эту новую, сделанную людьми реку.

Неожиданно Ваня почувствовал обиду за создание рук — своих и товарищей по строительству.

— Это почему же? Река как река. Почисте ваших. По крайней мере знает, куда течет и зачем течет.

— Не знаю, — простонала русалка, — может быть, река и отличная, но не для меня. Что это за берега, на которых не найти ни одного моло-

дого человека. А если они приходят, то и уходят бригадами. Не могу же я обольщать сразу целую бригаду. А омуты? Где у вас на канале омуты? Ну, где?

— Омуты у нас, действительно, не запроектировано.

— Ага! А по нашей работе без омутов нельзя. Или еще вот эта махиница...

Русалка злобно и пренебрежительно ткнула хвостом в сторону шлюза.

— А чем плохой шлюз? — опять обиженно спросил Ваня.

— Может быть, как шлюз он ничего, но меня он подсекает вкорме. Я не пароход, даже не катер, сирены у меня нету. Да если бы и была сирена, не могу же я — порождение причудливой фантазии — подплывать к шлюзу и гудками требовать, чтобы мне дали пройти в следующий бьеф...

— Да, пожалуй, гуди не гуди, для тебя воду спускать не станут, — согласился Ваня.

— Ну, вот видишь! О юный рыбак... то есть шофер. Спаси меня, вывези меня в естественное водохранилище.

— Делать нечего, уж подкину я тебя в реку Икшу. Вылазь из воды... Да только ты отряхнись, а то я тебя мокрую в кабину не пушу...

Не ходит эта легенда. Мы ее выдумали сами.

ГОЛОВЫ И РУКИ

Плотины, шлюзы, бетон, экскаваторы — это все хорошо. Но кто же приводит в движение эти орудия, удаляет или насыпает кубометры грунта, увозит или углубляет русла?

Три категории людей действуют на канале.

Во-первых: инженеры, строители и энтузиасты. Коммунисты, комсомольцы, беспартийные. Таких мы знаем и

на других стройках. Это распространенный тип советского инженера. Таковы на канале главный инженер Жук, профессор Василенко, и десятки других замечательных работников. О каждом из них можно писать большую книжку, а не то что наши заметки.

Вторая категория — это заключенные. Преступники. И не один или два раскаявшихся

растратчика под перекрестными взглядами многих честных сослуживцев. Нет! Здесь целая армия правонарушителей. Их больше чем вольнонаемных или охраны. И они работают. И как еще работают! Когда по ровному руслу канала в первый раз пошла вода, бывшие воры, налетчики, активные вредители в яростном восторге бросали в воду шапки. Канал—это не санаторий. Шапок у заключенных, как правило, по одной на человека. Но шапки все-таки бросали в воду.

В Советском союзе выходит множество газет: от «Голоса зубного врача» и «Рулона деревообделочника» до «Листка китобойца» включительно.

На канале нам довелось читать самую оригинальную

газету в мире. Эта газета выпускается специально для воров. Но для воров уже поступивших в переделку здесь, на канале. Газета так и называется «Перековка тридцатипятника».

Это не такая уж легкая работа — перековка.

Именно этим занимаются чекисты во главе с товарищами Берманом и Фириним. Они-то и составляют третью категорию людей Волгоканала. Они его организующее и ведущее начало.

Перековка людей совершается легко только в плохих пьесах. В жизни это очень трудно и для заключенных и для воспитателей. И великая трудность этого процесса только увеличивает наше уважение к победителям.

НЕ ПО Н Я Т Н О !

Из окна вагона или дрезины на новой железнодорожной ветке (Вербилки — Большая Волга), не доезжая до станции Темпы, можно увидеть скромную, на фанере написанную вывеску:

ГЛУБОКАЯ ВЫЕМКА

Нас повели мимо этой вывески по пристойной садовой дорожке, чуть-чуть подымавшейся в гору. Очень скоро дорожка исчерпала свой подъем, и перед нами открылась картина, которую мы со всей ответственностью принуждены назвать величественной.

В самом деле, мы стояли на вершине обрыва, который, опускаясь, переходил в берег широкой и ровной реки. Крупная по речным масштабам рябь покрывала реку. Обрыв, спускаясь к воде, два раза переходил в ровные возделанные площадки.

Но странное дело! Противоположный берег, вопреки всем правилам речного поведения, был так же высок и так же обрывист, как и наш. Так же повторялись площадки.

— Вот это и есть глубокая выемка, — сказали нам. — Тут было ровное поле, отсюда и вон до верхушки того про-

тивоположного берега. Понимаете?

— Нет, — честно сказали мы.

— Ну, представляете себе: было ровное место, и на нем мы вырыли этот канал, как обыкновенный канал, с той только разницей, что работал здесь тридцать один эскаватор, и вынули мы на протяжении 6 километров пути — около семи миллионов кубометров земли. Ясно?

— Нет, неясно.

— Ах, ты боже мой! Ну, понимаете, для канала нужно было русло...

— Понимаем.

— Ну, вот мы его и вырыли. Понятно?

— Нет, — глубоко вздохнув, повторили мы. — То есть, по чертежам это понятно, и как это делается — понятно, и что к чему — тоже понятно. А вот когда смотришь на эту реку и думаешь, что два месяца тому назад ее еще не было, а было ровное, как ладонь, место, то этого понять, то есть представить себе, нельзя, и вы нас об этом не просите.

Так до сих пор и не понимаем.

И ЕЩЕ БОРЬБА

Доведись нам быть докладчиками о канале Москва — Волга, мы бы включили в нашу речь следующие положения.

— ...Но не думайте, товарищи, что грандиозные сооружения, подобные каналу, можно строить благодушно, поманиловски. Нет, только в су-

ровой повседневной борьбе рождаются эти воистину великие памятники человеческого гению. Строя канал, надо было бороться прежде всего с природой, которая с огромным упорством защищала свои планы, вернее, свой хаос, в расположении воды, земли, камней, леса, человеческих жилищ и всего того, что составляет материальную часть нашей планеты — часть, очень плохо инвентаризированную, размещенную и охраняемую.

Нам пришлось бороться с дурной волей некоторых заключенных, с их нежеланием трудиться, и в результате этой борьбы мы заставили их полюбить труд.

Нам пришлось бороться с бюрократизмом и головотяпством многих смежных орга-

низаций, заводов-поставщиков, которые работали спустя рукава, потому что им-то не угрожал паводок пятнадцати рек. И, наконец, нам пришлось бороться с формализмом. Да, да, товарищи. На канале, где художественной форме всей системы придается значение ничуть не меньшее, чем самому строительству, нам пришлось встречаться с формализмом, который не изжит еще в советском искусстве. Очаги формализма возникали у нас в скульптурных и архитектурных мастерских, и если бы мы с ними не боролись, то, вероятно, иные из статуй и зданий канала имели бы гораздо менее красивый вид, чем теперь. Но мы боролись и с формализмом, и мы его победили.

ОСВЕДОМЛЕННЫЙ КОРРЕСПОНДЕНТ

Корреспондентов на канале очень много. Руководители строительства шутят, что за одного штукатура они могут давать двух корреспондентов. Некоторые работники пера и «лейки» работают хорошо, дают в свои газеты интересный и толковый материал, а иные...

К начальнику Волжского района недавно пришел представитель конаковской районной газеты. Гуманные чекисты не назвали нам его фамилии. А жаль!

Конаковский корреспондент, прибывший из городка, расположенного рядом с каналом, уныло помявшись, сказал начальнику района.

— Вы тут, говорят, какой-то канал строите. Вот бы посмотреть!

Хорошо осведомленному корреспонденту канал показали. Он ходил, смотрел и, ахая, как просвирня, спрашивал у своих терпеливых гидов:

— Виноват, а это что? Шлюз? Виноват, а для чего служит шлюз? А это что? Вода? Неужели это волжская вода? Виноват, а для чего служит вода? Обождите, не так быстро, я должен записать, для чего служит вода.

Есть все основания предполагать, что дальнейший разговор строителей канала с конаковским корреспондентом происходил примерно так:

— А еще мы тут — слышали, может быть? — один город целиком затопили, — сказали строители.

— Что вы говорите! Не может быть! — удивился конаковский корреспондент.

— Ей-богу, затопили. Называется город Корчева. Вот эту самую Корчеву мы и затопили. А дома перевезли в другой город.

Конаковский корреспондент нервно раскрыл блокнот и приготовился записывать.

— Давайте, товарищи, медленней говорить. Я не успеваю записывать. Куда, значит, перевезли дома из Корчевы?

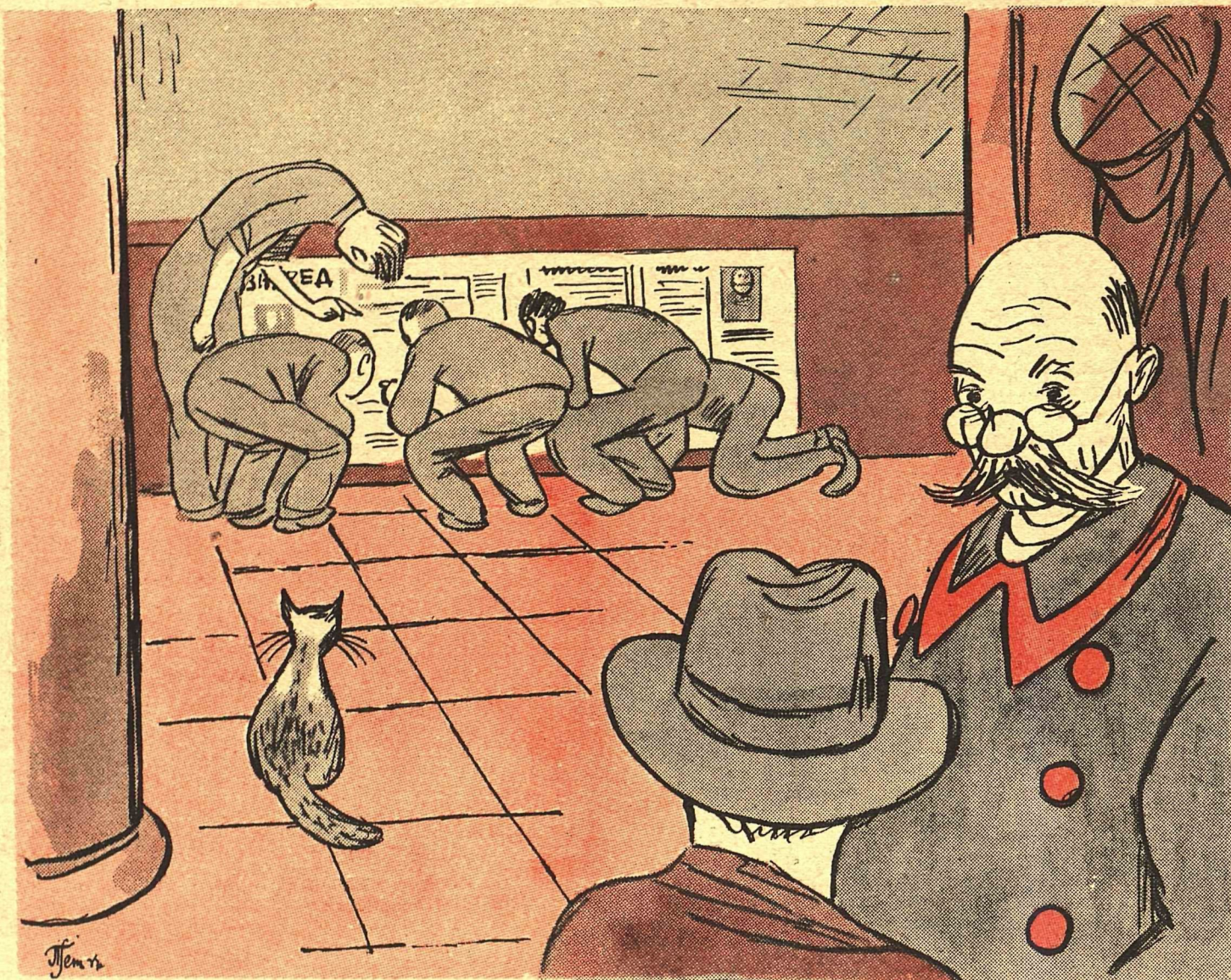
— К вам перевезли. В город Конаково, — скромно сказали строители.

И корреспондент из Конакова записал в книжечку, что корчевские дома перевезены в Конаково.

Приезжал на канал и некий именитый писатель. Ему показали все и рассказали обо всем. Он важно молчал, полный своих высоких дум. После осмотра головного шлюза его привели на волжскую намывную плотину. Писатель прошел по телу плотины, стяхнул песок с брюк и вдруг сказал:

— Да, вот это шлюз. Эта была единственная фраза, которую он произнес во время путешествия по каналу.

В. АРДОВ, Л. ЛЕНЧ

— Почему стенную газету повесили так низко?
— А наш директор маленького роста...

ДЕСЯТЬ ДОЛЛАРОВ

Конфета лежала на садовой скамейке. Когда тень повернулась влево и солнечный зайчик забегал по пестрой обертке, конфета вытянулась, села, испуганно оглянулась по сторонам, поправила смятые треугольники концов своей бумажки и пошла.

Через несколько минут, перемахнув через ограду запертого парка, она зашагала по одной из людных улиц Нью-Йорка.

— Ешьте больше карамели! — читали на спине конфеты торопливые прохожие, обгоняя ее.

— Ешьте больше карамели! — бросалось в глаза людям, встречавшим конфету.

Дойдя до конца улицы, конфета поднялась по лифту на 31-й этаж небоскреба.

— Получите за вашу неделю, — сказали конфете. — Завтра, Джэк, вы свободны.

Джэк снял через голову пеструю обертку. Спускаясь по лифту вниз, он почувствовал горечь. Кончились светлые дни полторадолларовых заработков.

Выходя из дому, Джэк в последний раз посмотрел с сожалением на вывеску ассоциации зубных врачей, почти месяц кормившую его.

На улице, как на страницах послеобеденной газеты, его обступила со всех сторон реклама.

На каждом углу Джэк встречал сандвичмена. В сандвиче, или бутерброде, колбасу кладут так: сверху хлеб, снизу хлеб, а посередине колбаса. Спереди плакат, сзади плакат, а посередине человек; торчат только ботинки, а глаза смотрят сквозь дырочки плаката.

На площадях сандвичменов было еще больше.

Сорок сандвичменов шли в ряд. Каждый нес на спине одну только букву. Буквы говорили о приезде знаменитого певца Милацо.

Дальше до самого дома Джэка преследовало имя Милацо на крышах, на облаках, на тротуарах...

Милацо приехал утренним поездом. Он остановился в лучшем отеле города, заняв десять комнат бельэтажа. Мимо окон вереницей шли торопливой походкой люди. Это клерки спешили в деловую часть города — открывались конторы и банки.

Слепой музыкант в синих очках пикивал на скрипке под окнами отеля. В спешке его никто не замечал. Люди пробегали мимо. В черной шляпе ничего не было ни одной монеты.

Окно фасадной комнаты отеля открылось. Великий певец слушал игру нищего-музыканта.

Нищий устал. Он положил скрипку и смычок перед собой на пустую шляпу.

Тогда в открытом окне запел мировой актер.

Два клерка остановились.

— Милацо! — сказал один.

— Милацо!

— Милацо!

— Милацо поет!

Нищий, сидевший на корточках возле своей шляпы, поднял на голову свою скрипку. Так солдат поднимает ружье, переходя вброд реку. Улицу захлестывала толпа людей. Она подступила вплотную к нищему. Он уже встал и, держа высоко над головой скрипку, стоял так у стенки с поднятыми руками, как слабый стоит, сдавшись перед сильным.

Рис. Л. Сойфертиса

— Вы сами свидетель: я в своем сегодняшнем выступлении ни слова о себе не сказал. А они еще смеют обвинять меня в ячестве.

Потому, что пел Милацо.
Полисмены пытались сдержать толпу, но это не удавалось. Люди карабкались на столбы, влезали на крыши автомобилей, садились друг другу на плечи.

Милацо пел.

Нищий стоял с поднятой скрипкой. По улице возле отеля остановилось движение пешеходов и авто.

Милацо пел. Потом, очень длинно протянув последнюю ноту, закончил и бросил в толпу свою шляпу.

Через головы, держа ее над толпой, передавали шляпу из рук в руки. Шляпа тяжелела от монет, становилась все дороже и дороже от многодолларовых билетов.

Нищий стоял с поднятой скрипкой.

Описав большой круг, шляпа вернулась к окнам отеля. Самый высокий из зрителей — высокий потому, что он сидел на плечах своего товарища, — передал отяжелевшую шляпу синьору Милацо.

Низко поклонившись публике и перегнувшись затем через окно, Милацо отдал шляпу слепому музыканту.

Толпа стала растекаться. Загудели авто, пробивая себе дорогу. Захлопнулось большое фасадное окно отеля.

Нищий считал деньги, определяя, очевидно, достоинство их наощупь.

Из-под густых синих очков капали слезы. Слепой всхлипывал. Его фотографировали репортеры, и другие репортеры фотографировали, как его фотографируют.

Всю эту сцену снимал на свой аппарат кинооператор, взобравшийся на крышу газетного киоска.

Нищий считал деньги.

Оператор соскочил с крыши и снимал крупно:

Лицо слепого музыканта.

Еще крупнее:

Руки, считающие деньги.

Еще крупнее:

Синие очки.

Совсем крупно:

«Стодолларовый билет...»

А из поперечных улиц уже выбегали мальчишки, обгоняя один другого, подставляя друг другу ножки, опрокидывая, как форварды, догоняющие футбольный мяч.

«20 тысяч долларов — слепому музыканту!»

«Случай с Милацо!»

«Нищий, ставший богачом!»

Мальчишки обгоняли велосипедистов и авто.

Газетчики заглушали многоголосый шум улицы.

«Актер-благотворитель!»

«Милацо и слепой!»

Нищий считал деньги...

Мальчишки вырвались на улицу с новой газетой — газетой полдня.

Под фасадным окном отеля, где недавно была тысячная толпа, лежал только обломок смычка.

— Мальчишки выбегали еще шесть раз с новыми и новыми выпусками газет:

«Вечерний выпуск!» «Вечерний выпуск!»

«Все билеты на выступление Милацо проданы!»

«Аншлаги концертов Милацо!»

«Небывалый успех актера-благотворителя!»

«Еще три концерта мирового добряка!»

Напротив здания отеля, в комнате суда, секретарь захлопнул окно. Выкрики мальчишек мешали чтению приговора:

«Джэк, безработный сандвичмен, оскорбил великого актера и благотворителя Милацо, потребовал с него стодолларовый билет, хотя он — Джэк — получил уже 10 долларов.

Джэк утверждал, что импрессарио сеньора Милацо нанял его, выдал ему очки и скрипку для инсценировки сцены благотворительности, обещав уплатить за работу 10 долларов.

Десять долларов Джэк получил, но из выручки в 20 000 долларов он попросил оставить ему еще один стодолларовый билет.

Свидетелей либо письменного договора с импрессарио Джэк представить не мог, а потому суд считает его требования неосновательными и приговаривает его, Джэка, безработного сандвичмена, за оскорбление великого актера и благотворителя — сеньора Милацо — к штрафу в 10 долларов».

МАРК ЕФЕТОВ

ЕДИНСТВЕННОЕ УТЕШЕНИЕ

Просмотр новой колхозной картины закончился. Долго никто не хотел первым высказывать своего мнения. Наконец, один холостой критик поднялся:

— Т-так ничего... Но, понимаете, длинноты... Чувствуются длинноты...

— Совершенно верно, — подхватили сразу пять критиков. — Длинноты чувствуются...

— Ну это пустяки, — сказал режиссер.

— То есть, как пустяки? — возмутились хором критики.

— Конечно... Когда картина дойдет до настоящего колхозного зрителя, она так поистреплется, что уж никаких длиннот не останется.

Критики молчали.

ТИПАЖ

Этот пройдоха долго приглядывался к жене режиссера.

— Смотрите, Курдюмкин! Я ревнивый! — засмеялся снисходительно режиссер и обнял за плечи высокую полную блондинку с пепельными волосами.

— Что вы, что вы, Самуил Самуилович! — засуетился Курдюмкин. — Так, значит, я сценарий вам подкину.

— Подкиньте, дорогой, подкиньте... Идем, Мара...

Через две декады Самуил Самуилович сидел на столе и листал сценарий Курдюмкина.

«Героиня — Мара. Высокая полная блондинка. Пепельные волосы...»

— Ничего, ничего, Курдюмкин, — решил режиссер. — Тут что-то есть... Досоавторствую, ну и...

— Имейте в виду, Самуил Самуилович, — зашептал Курдюмкин, — все обыграно. И высота и полнота. И пепельные волосы... Вот, позвольте, на семнадцатой страничке,

Сценарий пошел по замедленному конвейеру фабрики.

— Безобразия! — возмущался Курдюмкин. — Бюрократизм!..

Но фабрика не торопилась.

Полгода спустя Курдюмкин встретил как-то режиссера. Он шел под руку с какой-то черноволосой низенькой женщиной.

— Так как же, Са...

— Я, знаете, охладел что-то к сценарию, — протянул режиссер. — И героиня какая-то надуманная. И вообще типаж плох...

— Это кто же? — спросил шопотом Курдюмкин у швейцара о спутнице режиссера.

— Как кто? Супружница новая. Ей уж и пропуск наладили на фабрику постоянный. Актерка тоже...

— Зарезали, бюрократы... Не успел!.. — прохрипел Курдюмкин. — Вот канительщики проклятые!..

В. ТОБОЛЯКОВ

ОСНОВАТЕЛЬНАЯ ПРИЧИНА

Рис. Л. Генча

— Что же это вы, хозяин, деньги за дачу берете большие, а против детей возражаете?

— Помилуйте, дите—оно несмышленное: расшалится, толкнет ненароком дачку—она и рассыпется.

ТРАССА НА ОЛИМП

Дробный топот доносится с крутых подступов Олимпа, трудолюбивое сопенье, деловитое сморканье, трудовые возгласы. Изредка долетают застенчивые восклицания. Топот и крики слышны на крутых подступах Олимпа. Это холуи волокут на Олимп свое начальство. Начальство нехотя сопротивляется, жеманно хихикая, потом пытается придать своему лицу суровое выражение, но не удерживается и сладостно ржет, как будто ему кто-то любовно шекочет пятки.

Тесно и шумно на подступах к Олимпу. Подхалимы сладкими голосами восхваляют там достоинства своих кормильцев и поильцев. Они нарекают их именами улицы и кустарные артели, детские ясли и парикмахерские. Они оглашают окрестности торжественным словословием и даже кое-где под шумок пытаются отливать поясные бюсты своего начальства в гипсе, чугуне и бронзе.

И, глядя на эту восторженную суету и упиваясь сладостным звучанием упомянутого выше топота, не удерживаются и

со скрипом и кряхтеньем пускаются в путь к Олимпу неумелые начинающие подхалимы.

В данном случае дело до бронзовых статуй не дошло, да и действующие лица—малозаметные школьные работники далекого Мурманского округа. И если мы все-таки занялись этим делом, то только потому, что эти школьные работники нечаянно идеально спародировали классические виннички, свердловские и иные образцы подхалимажа. Так иногда угасающий огонь вдруг дает неожиданно яркое пламя перед тем, как окончательно угаснуть.

Одним словом, председатель Кировского райисполкома, Мурманского округа, товарищ Гайко неожиданно оказался отцом добрых нескольких сотен детей. Произошло это при следующих обстоятельствах. Снедаемый завистью к ныне покойному султану Гарун аль Рашиду, товарищ Гайко остановил как-то свое благосклонное внимание на вверенном ему селеении под поэтическим названием Зашеек.

Он поехал в это селение и, инкогнито

заявившись в тамошнюю школу, решил испытать, сколь велика его слава среди учащихся. Задав для разгона несколько нейтральных вопросов, долженствовавших снискать ему доверие малолетних граждан, он обратился затем к одному из учеников, который пошустрее:

— А ну, скажи, мальчик, как фамилия председателя вашего райисполкома?

Мальчик безмолвствовал. Гайко спросил другого. Оказалось, что и тот не знает фамилии председателя своего райисполкома. Тогда товарищ Гайко горестно махнул рукой и с опустошенной душой уехал из Зашеек. И великое смятение воцарилось среди тамошних работников.

Четыре дня продолжалось это смятение, а на пятый день товарищ Гайко неожиданно оказался отцом нескольких сотен в чем неповинных детей, и не просто отцом, а дорогим, и не просто дорогим отцом, а дорогим отцом, другом и товарищем. А чтобы он в этом не сомневался, это обстоятельство было подробно изложено в письме, которое прибыло из школы в адрес редакции газеты «Кировский рабочий» на предмет срочного напечатания.

(К чести редакции она это письмо не поместила, а переслала в Крокодил).

Вот оно, это письмо.

«Дорогой наш отец, друг и товарищ Гайко!

Ваше внезапное появление к нам в школу обрадовало нас. До встречи с Вами у нас было смутное представление о Вас, и мы не верили, что к нам пришел участник Чрезвычайного VIII всесоюзного съезда советов, о котором говорила учительница. Все Ваши советы и отличные пожелания нам нужно выполнить... Ваня Сергин скоро придет Вам свои художественные работы...

Желаем Вам здоровья и успеха в выполнении Вами намеченных задач.

Остаемся Ваши дети

*СЕРГИН ИВАН,
МОХОВ МИХАИЛ,
АРТЕМЬЕВ ИЛЬЯ,
СЕЛЕЗНЕВ Н. и др.*

Просим редакцию наше письмо поместить в газете».

Ну хорошо. Предположим, что руководителям школы хочется кое-что заработать на легком подхалимском хлебе, но зачем учить детей врать? Какое право они имеют заставлять детишек, чудесных советских ребят, писать тошнотворные послания к человеку, которого они совершенно не знают? Зачем заставлять славного Ваню Сергина посылать свои рисунки лично ему, неизвестному «дорогому отцу и другу» Гайко? Зачем их заставлять сочинять, будто их обрадовал приезд председателя рика, когда они никакой радости при этом не испытывали? И вообще, кто им дал право, этим неистовым холуям из Зашеек, воспитывать из советских детей лебезящих чиновников? Если составители этого сладчайшего послания хотят протащить на Олимп своего председателя рика, пускай они волокут его сами, Советские дети здесь не при чем.

Л. ЛАГИН

ОПАСНАЯ ИДИЛЛИЯ

Рис. Н. Ротова

ДИПЛОМАТ (прекрасной Марианне):—Что касается нас, милочка, то над нами не каплет.

Дорогой крокодил!

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Уважаемый товарищ
Крокодил!

Как орденосец Азербайджанской ССР, я имею право на получение орденских денег. 18 января мною через почтовое отделение города Проскурова были отправлены на имя заведующего финансовым отделом Азербайджанского ЦИК тов. Магеррамова талоны на сумму 600 рублей. С тех пор я никак не могу добиться сведений о судьбе посланного мною ценного письма. Все мои обращения как в Азербайджанский ЦИК, так и в органы связи ничего не дали. Последние сведения, полученные от Проскуровского городского отдела связи говорят, что письмо, повидимому, попало в 1-е почтовое отделение города Баку, которое находится — если память мне не изменяет — в двухстах шагах от Азербайджанского ЦИК. Теперь апрель на исходе, но денег я еще не получил, и неизвестно, когда получу.

Поражает полная беспомощность почтовых работников. Начальник Проскуровского городского отдела связи тов. Коваль мне так и написал: «Учитывая, что дальше бороться с Баку бессмысленно, нами собран весь материал по данной переписке и отправлен 9 апреля текущего года в областное управление связи, город Винница, лично УНЗ тов. Коваленко, с просьбой заставить Баку в конце концов разрешить нашу жалобу».

Если начальник городского отдела связи считает, что «дальше бороться с Баку бессмысленно», то мне остается только просить через твое посредство Народный комиссариат связи СССР вступить в борьбу с бакинскими почтово-телеграфными чиновниками.

Полковник Г. ВИЗИРОВ
Проскуров, УССР

Дорогой Крокодил!

Не встречал ли ты где-нибудь центральный комитет профсоюза льнянщиков? Нето он помещается в Костроме, нето в Иванове. Увидишь председателя ЦК этого союза, скажи ему, что еще 14 февраля в Архангельске общим собранием сотрудников Северной областной конторы «Заготлен» был в связи с

разукрупнением профсоюзов избран новый местком союза льнянщиков. Скажи ему, пожалуйста, что этот местком хотел бы попросить от своего ЦК союза хоть какой-нибудь помощи в работе, но не может ему написать об этом, так как неизвестно, где этот ЦК союза находится. Пусть нам для начала ЦК льнянщиков черкнет хоть пару слов по адресу: Архангельск, ул. Диаталовича, № 10, «Заготлен», комната № 13.

Члены месткома: СМОЛИН, ФЕДОРЕНКО, ЧЕРНЫШЕВ

Дорогой Крокодил!

В ливенской газете «Знамя Ленина» (Курская область), в номере от 1 апреля, помещен материал под общей рубрикой «Новости торговли». В нем сообщается, что Ливенский мясокомбинат открыл новый продуктовый магазин. Само по себе извещение очень отрадное. Но тут же, сразу под заметкой, газета поместила карикатуру «Магазин, обслуживающий «потребителей» круглые сутки», на которой изображено достаточно про-

тивное зрелище, как выставленные в витрине гастрономического магазина ветчина, колбаса и т. д. пожираются крысами. Не знаю, как у других, но у меня эта карикатура убила всякое желание посетить рекламируемый газетой новый продуктовый магазин Мясокомбината.

Если можно, дорогой Крокодил, доведи об этом, пожалуйста, до сведения редактора газеты тов. Огнева.

Б. СИМАКОВ

Курск

НАУКА И ТЕХНИКА

ТЭП

Подхалим не может жить только сегодняшним днем. Подхалим — это не какой-нибудь мотылек: его тянет к накоплению опыта, к уточнению методов, к упорядочению своего подхалимского хозяйства. Между тем один за другим ряд испытанных способов подхалимства выбывает советской общественностью из рук работников лести и обволакивания. Печать, самокритика, повседневный контроль масс затрудняют день ото дня все больше и больше деятельность подхалимов и заставляют их искать новых путей.

В частности, группа подхалимов из районов с резко континентальным климатом обратилась в наш отдел с просьбой сообщить, нет ли чего-нибудь свеженького в интересующей их области.

В ответ на их просьбу сообщаем разработанную технической эксплуатационной конторой отдела «Наука и техника» схему ТЭП (тепло-электроподхалимаж). Нам кажется, что особенным ее достоинством является полная доступность и техническая ясность деталей.

Наша схема рассчитана на подхалимство в суровых условиях севера. Для ее реализации, кроме доброй воли, требуются еще некоторое количество электрического провода, который мы обозначим буквой А, стульев или кресел с обязательно жестким сиденьем, которые мы обозначим буквами Б₁, Б₂, Б₃ и т. д., сверло, которое мы обозначим буквой С, и электрические лампочки разной силы, которые мы условимся обозначать буквами Д₁, Д₂, Д₃ и т. д.

И вот, предположим, наступила холодная погода и деликатное по своему телосложению начальство испытывает вследствие этого некоторые неудобства. Вот тут-то как раз вы без нашей схемы ТЭП как без рук. В самом деле, вы берете провод А и проводите его под кресло Б₁, Б₂, Б₃ и т. д., по числу начальников, подлежащих обволакиванию. В кресле при помощи сверла С просверливаются изящные дырочки в коли-

честве, определяемом владельцем кресла. Затем внизу, под сиденьем, ввинчиваются электрические лампочки Д₁, Д₂, Д₃ и т. д. с убывающим количеством свечей, соразмерно со степенью важности и ответственности поста, занимаемого владельцем кресла. Затем электрический провод включается в обычную осветительную сеть, и животворящее тепло электрических лампочек сквозь просверленные в сиденьях отверстия проникает в фигуру начальника.

Большой выбор электрических лампочек мощностью от 2 тысяч свечей и до 25 дает возможность соблюсти при проведении рекомендуемой нами схемы табель о рангах. С другой стороны, стоит вам в обход этого табеля вывинтить из-под сиденья лампочку, предположим, в 100 свечей, и ввинтить вместо нее двухсотсвечевую, как восседающий на этом кресле начальник не замедлит оценить вашу чуткость и окажет вам свое благосклонное и полезное внимание. Тем самым

подтвердится закон превращения электроэнергии последовательно в тепловую и административную.

Возникает законный вопрос: подтвердилась ли предлагаемая нами схема ТЭП проверке хотя бы в ползаводском масштабе? На этот вопрос мы можем ответить утвердительно, сославшись на опыт Игарского горкомхоза, где тамошние подхалимы провели под стул работавшей в комхозе жены троцкиста Огуленко тысячесвечевую лампочку. Причем для особого удобства, в точном соответствии с нашей схемой, были просверлены в стуле дырочки.

Случай этот настолько проверен, что о нем даже сообщено в игарской газете «Большевик Заполярья».

Обо всех последующих случаях использования схемы ТЭП просим сообщать отделу «Наука и техника» для внесения в случае надобности соответствующих корректиров.

И. БУШУЕВ

ПРОТИВ ТЕЧЕНИЯ

Редуют ряды кооптируемых. Тают ряды кооптируемых. И только в Свердловском облшвейпромсоюзе твердо придерживаются старых традиций. 15 марта правление этого промсоюза слушало вопрос

«о введении тов. Богнер в члены пленума Облшвейпромсоюза и выборах ее заместителем председателя президиума Облшвейпромсоюза».

Постановили:

«Ввести тов. Богнер членом пленума и президиума и избрать заместителем председателя президиума Облшвейпромсоюза».

Подлинный подписал председатель Горбачев.

Что ж, каждый бюрократ извращает партийную директиву, как умеет.

СКВЕРНОСЛОВЯЩИЕ ЛОШАДИ

Эта редко встречающаяся разновидность лошадей была открыта 30 марта газетой «Сталинец» — органом сеплемсовхоза «Кубань» (Азово-Черноморский край).

В заметке за подписью Громова так и пишется:

«И вот 24 марта в то время, когда ездовый Никитин запрягал своих лошадей, они вырвали у него вожжи, при этом сильно сквернословили и издевались насмешками над Никитиным. Когда их стал одергивать обездчик Радченко, то они обругали и его».

Правда, при внимательном вторичном прочтении заметки читатель может, наконец, уяснить, что сквернословили и вырвали вожжи не лошади, а хулиганы Покотилов и Максименко. Но лучше все-таки было бы, если бы редактор «Сталинца» Д. Агеевко хоть раз внимательно прочитывал и правил материал перед сдачей его в набор. Тогда бы не ругались ни лошади и ни в чем неповинные читатели.

ГОСТАНЦБЮРО — СВЕРШИВШИЙСЯ ФАКТ

Наконец-то мы можем поздравить наших читателей с приятной вестью: Гостанцбюро — уже свершившийся факт. Гостанцбюро — оно же Государственное объединение по организации массовых форм отдыха трудящихся и постановки дела изучения искусства танца — создано Управлением по делам искусств при Совнаркомом Грузии и начало свою плодотворную деятельность с рассылки отношений разным лицам и организациям за подписью директора Гостанцбюро Горгеладзе. Не знаем, как насчет постановки танцевальной учебы, но что касается политической учебы, то по этой части в Гостанцбюро дело обстоит, очевидно, неважно.

Во-первых, Горгеладзе не читает газет и поэтому не знает, что Северо-Кавказский край постановлением правительства переименован в Орджоникидзевский. Во-вторых, Горгеладзе настолько твердо убежден, что этот бывший Северо-Кавказский край имеет собственный Совнарком, что свое отношение в город Ростов на Дону он направил по адресу: «В Управление по делам искусств при СНК Северо-Кавказского края».

Пожелаем же Гостанцбюро успехов как на фронте танцевальной, так и политической учебы.

МНОГОЗНАЧИТЕЛЬНАЯ ПОЧТО-ТЕЛЕГРАММА

Отдел печати Азово-Черноморского крайкома ВКП(б) за подписью тов. Бондаренко разослал всем редакторам районных и городских газет почто-телеграмму буквально следующего содержания:

«Обязываем усилить антирелигиозную пропаганду на страницах районных газет. Учтите, что антирелигиозные секты активизируются».

Этот интересный сигнал об усилении работы антирелигиозных сект тов. Бондаренко оттиснул на стеклографе в количестве 165 экземпляров.

Тираж до обидного незначительный. Помещая юмористическую телеграмму тов. Бондаренко на страницах Крокодила, мы тем самым сознательно увеличиваем ее тираж на 275 тысяч экземпляров. Таким образом, окончательный тираж ее составляет на сегодняшнее число 275 165 экземпляров. Для начинающего юмориста тираж вполне достаточный.

УЖЕ ИГРАЕТ

А. С. Пушкин когда-то написал:

*«И пусть у гробового входа
Младая будет жизнь играть...»*

Поэт в некотором роде выражался иносказательно и не знал, что в городе Туле всерьез реализуется его предложение. В одном из кладбищенских помещений комбинаторы из райкомхоза Центрального района организовали сложное предприятие под названием «Подсобное производственное хозяйство райкомхоза». В пяти шагах от гробового входа производится продажа номерных знаков на гужевой транспорт, велосипеды, рогатый скот, принимается оплата за домовые фонари, номерные знаки, живописные, малярные и реклам-

ные работы. Если учесть, что в этом же самом помещении находится и похоронное бюро, то можно себе представить, какое бойкое движение существует все время на тульском кладбище. Тут и убитые горем родные и знакомые, провожающие своих дорогих покойников, тут же жизнерадостный велосипедист пришел купить номер для своего вновь приобретенного новенького велосипеда. И голоса граждан, покупающих гробы, смешиваются с оживленными восклицаниями рекламодателей в неровный гул. И все они воздают должное коммерческому и организаторскому гению руководителей отдела коммунального хозяйства.

МАСТЕР КИСТИ И ОТМЫЧКИ

Приближались пушкинские дни в феврале этого года. Художник Горелов, сотрудничающий в тбилисской газете «Заря востока», озабоченно потирая лоб, соображал:

— Как бы и мне откликнуться на пушкинскую годовщину? Подчитаю-ка я материалы...

Мастер кисти взял однотолик издания товарищества Вольфа и неторопливо стал перелистывать страницы, ища сюжета для своей работы. На XXVII странице Горелов наблюдательным глазом художника увидел рисунок П. Ф. Бореля «Прибытие раненого Пушкина после дуэли».

— Пожалуй, это тема! — воскликнул Горелов. — И сюжет, пожалуй!

Горелов воровато оглянулся и добавил:

— Пожалуй, и композиция мне подойдет.

После чего художник стал тщательно перерисовывать рисунок Бореля, воровато закрывая книжку всякий раз, как кто-нибудь входил в комнату.

В результате в «Заре востока» появился за подписью Горелова рисунок, в котором, за исключением недостающих фонаря и одного секунданта, в точности воспроизводится рисунок П. Ф. Бореля.

Приносим соболезнование газете «Заря востока» по поводу воспроизведения ею художественно-ворованного опуса Горелова. В ближайшие дни войдем куда надо с ходатайством о присвоении Горелову звания мастера кисти и отмычки.

ЖЕСТОКИЙ ПРИКАЗ

Вот выписка из приказа № 122 Воронежской лесной опытной станции:

«§ 1. Зачисляется гр. Дятков Г. Д. с 19 октября с. г. в штат ВЛОС для выполнения следующих обязанностей: чертежника, пчеловода-инструктора, фотографа, переплетчика, практического исполнителя по оформлению внутреннего обустройства кабинетов ВЛОС и озеленению усадеб, составлению смет и проектов».

Зарплата Дяткова устанавливается 350 руб. в месяц.

Подлинный подписал директор Селевков».

Прошло чуть больше месяца, и приказом № 145 тов. Дяткова Г. Д. «за допущение небрежной и технически неправильной заливки бута под строящийся автогараж... за задержку выполнения распоряжений директора о выявлении расходов по смете на обустройство здания...» уволили с работы.

Ну, хорошо, предположим, составление смет и проектов у Дяткова не получилось. Но ведь это только одна из шести присвоенных ему обязанностей! А может быть, он пчеловод-инструктор хороший, а может быть, он замечательный фотограф и переплетчик? А его уже снимают с работы. Разве только у дирекции ВЛОС как раз в это время был на примете человек, который, кроме упомянутых в приказе № 122 обязанностей, гарантировал еще за те же деньги и дополнительное выполнение обязанностей прачки, ученого лесовода, киномеханика, кормилицы и директора этой станции. Тогда, конечно, был прямой расчет. А, впрочем, пусть читатели Крокодила сами рассудят: читатель у нас строгий, но справедливый.

ВОТ ЭТО РАСПИСКА!

После многочисленных ушкодевательских справок, которые нам приходилось комментировать на страницах нашего журнала, глаз приятно отдыхает на нижеследующей расписке, выданной не так давно неким Воронцовым, жителем Ординского района, Свердловской области, своей бывшей жене:

«РАСПИСКА»

*Дана настоящая расписка Воронцовой Наталии Захаровне в том, что Воронцова может считать себя свободной от мужества. Сохраняется за Воронцовой право выходить замуж за любого мужа. Воронцова считается свободной с 19-го января 1937 года бессрочно и считается независимой от мужа Воронцова, Федора Фроловича.
К сему и подписуюсь
ВОРОНЦОВ».*

Для придания этому головокружительному документу государственного характера эту расписку засвидетельствовал председатель Ашопского сельсовета Г. Мордвинов.

Вот это документ! С удовольствием оторвали бы его вместе с руками его составителя и Г. Мордвинова. Без рук Мордвинов был бы куда безопасней, а то заладит почем зря составлять и заверять документы, унижающие достоинство советской женщины и сельсовета.

М2993 ✓

РАСПРОСТРАНЕННОЕ СОЧЕТАНИЕ

(ПРЕДПАСХАЛЬНОЕ)

Рис. М. Черемных

Яйцо с сюрпризом и яйцо-болтун